

А. П. ЧЕХОВ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ
А. В. ЛУНАЧАРСКОГО

И

РЕДКОЛЛЕГИИ В СОСТАВЕ
С. Д. БАЛУХАТОГО, Е. Д. ЗОЗУЛИ,
М. Е. КОЛЫЦОВА и Г. Б. САНДОМИРСКОГО

ТОМ XII

ПРИЛОЖЕНИЕ К ЖУРНАЛУ "ОГОНЕК"
ЗА 1929 ГОД

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — 1929 — ЛЕНИНГРАД

ЧЕХОВСКИЕ МЕСТА И МУЗЕИ

Географизм в произведениях Чехова, туристическая основа его творчества, локальность его сюжетов — вопросы, которые могут и должны быть еще обследованы. Громадное большинство произведений Чехова не связано непосредственно с определенными географическими районами, а тем более — не этнографично. В этом отношении Чехов резко отличается, например, от Короленко. Но вопрос о локальных элементах в чеховском пейзаже, в изображении Чеховым усадьбы и деревни, в чеховских типах и персонажах естественно может интересовать широкого читателя. Задача этого очерка заключается только в самом беглом описании «чеховских мест», понимая под ними установленные места более или менее длительного бытования писателя и связанной с ними общественной или литературной работы. С другой стороны — необходимо упомянуть о музеях, выросших на этих чеховских местах и непосредственно связанных с Чеховым.

Небольшой дом по Чеховской улице в Таганроге, в котором 17 января 1860 года родился А. П. Чехов, является в настоящее время государственной собственностью и тщательно охраняется местным музейным центром. Былой обстановки чеховской квартиры в этом доме-памятнике нет, но само здание, находящееся далеко от улицы, в глубине двора, напоминающее украинскую мазанку, с низкими потолками и узенькими оконцами, окруженное деревьями и зеленью небольшого палисадника, представляет собою интересный меморативный уголок и типичный архитектурный остаток старого Таганрога. Вид у чеховского домика — наивный, простоватый. В трех маленьких комнатах и наперсточной кухне трудно повернуться. Мазаные белые стены, желтый глиняный пол в кухне и прихожей. Теперь Чеховская улица (когда-то Полицейская) отстроилась особняками и домишками, нет вокруг прежних пустырей, на которых проходили досуги ребят, в том числе Чехова. Ландшафт резко изменился. Там интереснее уже по-своему старинный дом — в нём родился и жил общепризнанный мировой писатель.

В Таганроге вообще имеется целый сгусток чеховских памятников. Сохраняется здание бывшей греческой школы —

школы с телесными наказаниями, в которой Чехов восьмилетним мальчиком проходил своеобразный курс наук у недоучки-грека Вучины. Типичным остатком учрежденческой системы старорежимного уездного города выглядит по трафарету построенное здание классической гимназии. И сейчас в некоторых дверях классных помещений попадаются небольшие круглые оконца, на подобие глазков в тюремных камерах; пользуясь ими, инспектора и педагоги гимназии наблюдали из темных и длинных коридоров за поведением учеников, даже во время уроков. Можно видеть также дом на углу бывш. Монастырской и Ярмарочной, в котором помещалась колониальная лавка отца писателя. В ней гимназисту Чехову приходилось торговать мелочными продуктами. Можно отметить другой дом, по Елисаветинской улице, в котором прошли гимназические годы Чехова, — небольшой, в три окна на улицу, собственный дом отца писателя — П. Е. Чехова. Типичный мещанский домик — также осколок старого Таганрога. Другие таганрогские улицы, каменная лестница, гавань, окраины города, кладбище, Карантин, Дубки — все это отдельные локальные струи биографического русла молодого Чехова. Интересен, например, столетний Таганрогский театр. На его древней галерке, загримировавшись и скрываясь от гимназического начальства, Чехов слушал итальянскую оперу, смотрел водевили и мелодрамы.

Что касается охвата личными впечатлениями окружающего Таганрог Приазовья и Донецкого района, то известна, по воспоминаниям М. П. Чехова, поездка А. П. Чехова, еще в детстве, в направлении Амвросимовки, Мигриной, Чутиной, Кринички, Княжей. В Княжей, деревне известного атамана 1812 года Платова, дед Чехова был управляющим, и в ней будущий писатель жил несколько раз. Знакомы были ему и другие места этого края, так как в последние годы своего гимназического учения Чехов совершал поездки в Донецкий район, бывал на хуторах, посещал шахты, видел лихорадочное железнодорожное строительство, наблюдал помещичью жизнь в степи. Сюда он приезжал и позже, будучи уже студентом и начинающим сотрудником юмористических журналов. Когда Чехов стал писателем, он несколько раз бывал в Таганроге, а в 1887 году, непосредственно перед работой над «Степью», написанием «Огней» и других вещей, совершил специальную поездку в Приазовье, оживившую прежние впечатления и обогатившую его новыми материалами.

Отзвуки, впечатления и заметы Таганрога и Таганрогского края встречаются в произведениях А. П. Чехова: «В рождественскую ночь», «Свадьба», «Холодная кровь», «Степь», «Огни», «Палата № 6», «Моя жизнь», «В родном углу», «Человек в футляре», «Ионыч» и др.

В Таганроге имеются музей и библиотека, которые создавались при активном участии Чехова. Уже после смерти писателя для них было построено специальное здание и организованным в нем учреждениям присвоено имя Чехова. Письма А. П. пере-

полнены заботами об этих культурных очагах Таганрога, зарождавшихся еще при его жизни; им он пожертвовал ценнейшую часть своей библиотеки, для них он собирал книги, разные материалы и пр. В Чеховской комнате Таганрогского музея сохраняются фотографии, документы, книги, вещи, отражающие биографию писателя, его литературную среду. Музей охотно посещается местными жителями и приезжими; среди последних бывают специально стремящиеся попасть в Таганрог, чтобы познакомиться с комплексом чеховских памятников и материалов, охране которых отдал много труда таганрогский старожил М. М. Андреев-Туркин.

В 1879 году Чехов переезжает в Москву. Здесь проходят его студенческие годы. Живет он с большой семьей на Драчевке в подвальном этаже церковного дома (церковь Николая), потом в Головином переулке, на Сретенке, вблизи знаменитого Соболевского переулка. Об этом районе старой Москвы — «Трубы» и «С-болей» — говорится в рассказе А. П. Чехова «Припадок».

Учоба, нужда, скудные литературные заработки... Небольшие квартирны и квартиры, иногда в подвальных этажах, которыми отмечаются эти трудные, но вместе с тем жизнерадостные еще годы чеховской молодости, являются своего рода локальными документами его биографии. Этот период, вместе с тем, связан с подмосковными местами, где Чехов обычно проводил летние месяцы. В Воскресенске — школа, в Чикине (около бывш. Новоиерусалимского монастыря) — земская больница, в Звенигороде — земская больница, в Бабкине — бывш. имение Киселевых. Это была пора перехода Чехова из мелких журналов «Будильник» и «Свет и тени» в центральный для того времени юмористический орган «Осколки», издававшийся Лейкиным. Влияние этих мест, по мнению биографов Чехова, сказалось, в той или иной мере, на рассказах: «Детвора», «Экзамен на чин», «Сирена», «Беглец», «Горе», «Хирургия», «На вскрытии», «Мертвое дело», «Ведьма», «Недоброе дело», «Дочь Альбиона», «Налим», «Скорая помощь», «Верочка», «Смерть чиновника», «Володя». По этому поводу Мих. Павл. Чехов пишет: «Не стану перечислять все те картинки местностей, которые почерпнуты во время его пребывания в Бабкине и рассеяны по десяткам его рассказов той эпохи».

В 1888—1889 годах Чехов жил сперва на Якиманке в доме кухмистра Подпорина (он же Клименко), против церкви Ивана. Затем Чеховы поселились на Кудринской-Садовой, недалеко от Кудринской площади, в доме бывш. Корнеева, хорошо известном широкому читателю, так как он часто упоминается в изданных письмах Чехова. Семья Чеховых занимала выходящий на улицу флигель, похожий на комод, так и прозванный Чеховым (точно так же, как длинный продолговатый флигель, в котором Чеховы жили в Бабкине, он называл «кишкой»). Но в это время врачебная практика А. П. была сведена до минимума, и разворачивалась интенсивно его литературная деятельность. На московской и петербургской сценах пошли пьесы Чехова, в Корнеевск им

доме была написана потребовавшая много сил «Степь». К этому же периоду относятся: «Огни», «Именины», «Княгиня», «Скучная история», «Припадок».

Короткий период по возвращении с Сахалина, в 1890—1892 годах, Чехов жил на углу Каретной-Садовой и Малой Дмитровки (теперь № 29). Сидя в этом флигеле, Чехов писал: «Ах подруженьки, как скучно! Если я врач, то мне нужны больные и больница, если я литератор, то мне нужно жить среди народа, а не на Малой Дмитровке...» Дом на Малой Дмитровке является последним пристанищем Чехова и его семьи до переезда в марте 1892 года в собственную небольшую усадьбу; расположенную около станции Лопасня Московско-курской железной дороги (около деревни Мелихово, Бавыкинской волости Московской губернии). В Мелихове начинается деревенский период биографии писателя. Чехов понемногу вращается в местную жизнь, свыкается с ней, пользуется ею для своего творчества. Он, в сущности, заново строит и перестраивает неизвестное до той поры, разоренное, дохлое имение. Время от времени Чехов бывает в Москве, Петербурге, ездит в Крым, на Кавказ, за границу. Но целыми месяцами, большими полосами своих творческих настроений, своей созидательной общественной работы среди местного крестьянства писатель органически связывается с окружающим районом, с окружающими людьми. И до переезда в Мелихово деревня, сельская природа, крестьянско-поместные мотивы звучали и появлялись в набросках и рассказах Чехова. Но Мелихово непосредственно воздействовало на его творчество всей своей обстановкой, служило натурой для позитивного восприятия писателем-мыслителем современной ему деревни. Значительнейшая повесть Чехова «Мужики», как он сам удостоверяет, построена в разрезе местных мелиховских впечатлений. Когда приходилось расставаться с Мелиховым и переезжать для лечения на юг, Чехов писал: «и в беллетристическом отношении после «Мужиков» Мелихово уже истощилось и потеряло для меня цену». Известный, теперь уже классический сотский в повести «По делам службы» взят из мелиховской жизни — это сотский местного волостного правления. Упомянутое в повести «В овраге» село Уклеево, по мнению биографов писателя, очень напоминает своим географизмом и бытом село Угрюмово, находящееся недалеко от Мелихова; в нем А. П. бывал. Относящиеся к этому времени «На подводе», «У знакомых», «Новая дача», очевидно, также, в известной мере, проникнуты впечатлениями поместно-крестьянской жизни Мелиховского района.

Мелиховская усадьба Чехова сейчас посещается массовыми экскурсиями и отдельными экскурсантами. Из построек уцелели: главный дом, требующий большого ремонта, и флигель А. П., в котором он писал и принимал больных крестьян. Около главного дома — высыхающий, затянутый тиной небольшой пруд, вырытый при Чехове. Вокруг дома и фли-

геля — заросший фруктовый сад Чеховых, принадлежащий теперь Мелиховскому колхозу. От главного дома мимо пруда идет дорога в лес, а дальше тянется березовая аллея, посаженная Чеховым. По ней можно пройти к другому пруду, он гораздо больше первого и обсажен березами. Этот пейзаж создан по желанию и плану самого Чехова. Поля, аллеи, пруд, виднеющиеся опушки — отдельные детали картин Левитана.

В Мелихове можно встретить крестьян, которые знали и помнят Чехова. Их воспоминания дополняют личные впечатления экскурсантов. Нужно пройти по деревне, посмотреть на бывший трактир, на место, где, по уверениям крестьян, был описанный в «Мужиках» пожар¹, осмотреть построенную Чеховым школу². Оживленно работает сознание, если тут же, на месте, перечитать некоторые рассказы и повести писателя, а также его письма из Мелихова, в которых изумительно много локальных подробностей и черт. В ряду чеховских мест Мелихово — одно из самых преобладающих по своему интересу, значению и содержанию. Но живя в Мелихове, Чехов, в сущности, оставался москвичом, так как непрерывно наезжал в Москву, останавливаясь в Большой московской гостинице (около Кремля), в которой, повидимому, писались «Мужики». Останавливался он также в «Славянском базаре» (упоминаемом в «Мужиках»), затем у брата — Ив. Павл. Чехова — в школах на Живодерке и на Старой Басманной. И позднее, живя уже в Ялте, Чехов постоянно бывал наездами в Москве.

Было бы большой тривиальностью говорить относительно обостренного влечения Чехова к Москве. Москва владела его сердцем и сознанием — об этом ясно, определенно и лучше всего говорят письма Чехова. Москва, вместе с тем, вошла или мотивами своего быта, или колоритом своего географизма, или общей настроенностью московской психологии в произведения писателя: «На Трубной площади», «В Сокольниках», «Каптанка», «Ванька», «Попрыгунья», «Три года», «Мужики», «Дама с собачкой» и др.

Бесспорным культурным памятником, неразрывно связывающим Москву лично с Чеховым и его творчеством, является Московский Художественный театр, на сцене которого были поставлены все пьесы Чехова, в создании которого Чехов, как автор и близкий друг, принимал самое живое участие.

Заслуживает также внимания Московский музей имени А. П. Чехова Публичной библиотеки СССР имени В. И. Ленина, постепенно развертываемый в Литературный музей эпохи 80-х и 90-х годов и позднейшего десятилетия (собираются материалы по Чехову, Мамину-Сибиряку, Эртелю, Короленко, Гарину-

¹ «В апрельской «Русской мысли» пойдет моя повесть, где описан (отчасти) пожар, бывший в Мелихове...» (Из письма Ант. П. к Ал. П., Чехову.)
² Писателем были построены школы также в деревне Новоселках и в селе Талее — в той же Бавыкинской волости.

Михайловскому, Вересаеву, Найденову, Андрееву, Телешеву и др.). В самом тесном соседстве развернут и музей имени М. Горького.

Переезд по болезни в Ялту был связан для Чехова с постройкой на ее окраине, в деревне Аутке, собственной дачи. В Ялте писателю пришлось провести последние годы своей жизни (1898—1904 гг.). Теперь эта дача является государственной собственностью и открыта для массового посещения. Заведует музеем сестра писателя — М. П. Чехова, трудам которой он обязан своим сохранением. Ялтинский музей представляет собой мемориально-бытовой памятник, пользующийся широкой известностью, посещаемый ежегодно тысячами экскурсантов. Дача лежит в черте деревни Аутки, в сущности, пригорода Ялты. Едущие из Ялты на водопад Учан-Су и на Ай-Петри по Аутской улице и по Исарскому шоссе и обратно в Ялту, проезжают мимо белой дачи Чехова. Стоит она ниже дороги, на обрыве, сnivelированном под двор и сад, отчасти посаженный писателем. Белый дом, с виднеющимися издалека мезонином, окружен пирамидальными тополями, кипарисами, фруктовыми деревьями. В глубине его находится наиболее любимое место А. П.; с уединенной скамейки около каменной стенки, отделяющей дачу от заброшенного татарского кладбища, Чехов мог наблюдать горы и красочный амфитеатр Ялты. В главном доме сохраняются в неприкосновенности кабинет и спальня писателя. Мемориальный уклон выдержан в этих двух комнатах до мельчайших подробностей, даже не снят телефон, которым пользовался Чехов. На письменном столе лежат докторский молоточек и перкуссионная трубочка, конфеты от кашля, последняя нераспечатанная почта... В камин вделано панно — кистью Левитана выписана лунная ночь в поле; позади письменного стола находится ниша с широким диваном; ближе к дверям много фотографий и книжный шкаф с остатками чеховской библиотеки; на камине — подношения читателей и почитателей. Рядом с кабинетом — светлая спальня, крохотная комната. В ящике стола, стоящего около кровати, одна из последних книг, которую Чехов читал у себя в Ялте — очередная книжка «Исторического вестника».

Чехов любил море, любил Крым, когда ему приходилось только бывать, а не постоянно жить в нем. С переездом сюда писатель все чаще высказывает по адресу Крыма горькие чувства и жалобы. В произведениях А. П. Ялта изображена в «Даме с собачкой» и в финале «Ариадны». Мотивы старого курортного быта даны в рассказе «Длинный язык». Севастополь и его окрестности (Георгиевский монастырь) — в «Черном монахе». В качестве общего фона в самых ранних рассказах Чехова — «Зеленая коса» и «Живой труп» — упоминается Черноморское побережье и Феодосия. Феодосия, где Чехов бывал несколько раз и останавливался на сохранившейся до сих пор даче Суворина (теперь дом отдыха), нашла свое отражение, главным образом, в его письмах.

Не останавливаясь подробно на других местах, с которым и, в какой-то мере, соприкасаются биография или творчество Чехова, скажем лишь, что, по мнению исследователей и биографов, в «Дяде Ване» (а также в его первой редакции — «Лешем») имеются некоторые черты природы и быта, навеянные усадьбой Линтваревых (на реке Луке, в Сумском уезде бывшей Харьковской губернии), где Чехов провел два лета — в 1888—1889 г.г. «В родном углу» запечатлено село Межиричи, в котором Чехов был во время поездки в Сорочинцы и в Миргород (в 1888 году). «Дом с мезонином» вобрал в себя впечатления усадьбы Богимово около города Алексина Тульской губернии (Чехов был там в 1891 году). В «Протекции», «Тоске», «Рассказе неизвестного человека» — петербургский ландшафт и быт. В «Дуэли» — Кавказское побережье. Военно-грузинская дорога (поездка в 1888 году) имеет свое отражение, главным образом, в письмах Чехова (Лейкину, Плещееву, Баранцевичу и др.)¹. Поездки в 1901 и 1902 годах по Каме до Перми и Усолья и в Аксеново Уфимской губернии (на кумыс) не нашли своего непосредственного отклика в творчестве писателя. Остров Сахалин, поездка Чехова на Дальний Восток и возвращение обратно в Европу по Индийскому океану — в фельетонах «По Сибири», в капитальной работе — «Сахалин», в рассказах «В ссылке», «Убийство» и «Гусев». Западноевропейские наблюдения и впечатления — в «Ариадне» и в «Рассказе неизвестного человека».

Особняком стоит Баденвейлер — курорт в Шварцвальде (южная Германия), где писатель провел последний месяц своей жизни и умер в отеле «Sommer»².

Евгений Лейтнеккер.

¹ Письма А. П. Чехова, связанные с его поездками на юг в 1887 году на о. Сахалин в 1890 году и другие, носят порою дневниковый туристический характер. Письма Чехова вообще являются большим художественным, бытовым и психологическим материалом, вскрывающим многообразные стороны восприятия Чеховым пейзажа и местного быта, выясняющим степень заинтересованности Чехова-туриста в новых впечатлениях и в новых встречах.

² Первый памятник Чехову, поставленный в 1908 году в парке курорта, был разрушен во время империалистической войны.